

A movie poster for the film 'Mask of Time' (Маска времени). The poster features three main characters: an older woman with white hair in a dark, ornate dress; a young woman in a red, lace-trimmed dress wearing a black lace masquerade mask; and a man in a blue military uniform with gold epaulettes and medals. They are standing in front of a large, dark, gothic-style castle at night. The scene is lit with warm, golden light from lanterns and a fireplace. A golden masquerade mask lies on a table in the foreground.

Алла Фридлис

МАСКА ВРЕМЕНИ

Алла Фридлис

МАСКА ВРЕМЕНИ

«Автор»

2026

Фридлис А.

МАСКА ВРЕМЕНИ / А. Фридлис — «Автор», 2026

Элизабет с детства живёт в доме, похожем на замок, не подозревая, что её прошлое скрыто за ложью, а рядом с ней — человек, готовый ради наследства стереть её имя и судьбу. Потеряв отца, пережив предательство, жестокость и бегство, она находит защиту у бабушки-графини и постепенно учится жить заново: доверять, любить, быть сильной и принимать своё место в роду Барских. Но прошлое не отпускает её. Вероника возвращается, чтобы уничтожить наследницу, а любовь Элизабет и Алексея проходит через разлуку, войну, потерю памяти, смерть близких и страшные испытания. Это история о тайнах семьи, цене преданности, силе любви и о масках, за которыми скрываются не только зло и ложь, но и надежда на новую жизнь.

© Фридлис А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I. МАСКА ВЕРОНИКИ	6
Глава 1. Дом, похожий на замок	6
Глава 2. Подслушанный разговор	7
Глава 3. Маска Вероники	9
Глава 4. Правда о матери	10
Глава 5. Последний разговор с отцом	12
Глава 6. Наследница в ловушке	14
Глава 7. Первый побег	15
Глава 8. Погреб	16
Глава 9. Ночь под дождём	18
Глава 10. Дом графини	20
ЧАСТЬ II. МАСКА ЮНОЙ ГРАФИНИ	22
Глава 11. Новая жизнь	22
Глава 12. Спаситель	24
Глава 13. Уроки графини	26
Глава 14. Алексей и Владимир	28
Глава 15. Разлука на два года	29
Глава 16. Возвращение Алексея	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алла Фридлис
МАСКА ВРЕМЕНИ

МАСКА ВРЕМЕНИ
роман

ЧАСТЬ I. МАСКА ВЕРОНИКИ

Глава 1. Дом, похожий на замок

На самой окраине города, там, где шум улиц постепенно стихал и начинались старые липовые аллеи, стоял необычный дом. Издалека он напоминал маленький замок: с высокими окнами, каменными стенами, резными балконами и башенками, которые особенно красиво темнели на фоне вечернего неба. Летом его стены обвивал плющ, в саду пахло розами и влажной землёй, а по утрам на дорожках блестела роса.

В этом доме жила маленькая Элизабет. Она росла в тишине и достатке, окружённая красивыми вещами, просторными комнатами и ощущением, что её детство похоже на сказку. По вечерам отец возвращался с работы, снимал перчатки, поднимал её на руки и смеялся так тепло, что весь дом сразу становился живым. Вероника, которую Элизабет с детства называла мамой, встречала его у дверей, заботливо поправляла дочери волосы и говорила ласковым голосом, от которого девочке становилось спокойно.

Дни текли ровно и светло. Утром Элизабет занималась уроками, потом бегала по саду, собирала опавшие лепестки роз, рисовала дом с башенками и придумывала для него сказочные истории. Ей казалось, что за толстыми стенами их замка ничего плохого случиться не может: здесь всегда пахло свежей выпечкой, чистыми занавесками и любимыми духами Вероники.

Однажды Элизабет прибежала в гостиную с листом бумаги в руках. На рисунке был их дом, сад, отец, Вероника и она сама — маленькая девочка в голубом платье, стоящая между ними. Внизу, кривоватыми детскими буквами, она старательно вывела: «Моя семья».

— Мама, посмотри, что я нарисовала! — радостно сказала она, подбегая к Веронике.

— Очень красиво, моё солнышко, — ответила Вероника и улыбнулась. Она взяла рисунок, провела пальцем по башенкам дома, потом по маленькой фигурке Элизабет между взрослыми. Улыбка на её лице не исчезла — только стала чуть неподвижной. Пальцы на краю бумаги сжались сильнее, и уголок листа тихо смялся.

Элизабет этого не заметила. Она радостно прижалась к Веронике и снова посмотрела на рисунок, будто проверяла, всё ли в её маленьком мире на месте.

— Я хочу дорисовать ещё бабушку, — сказала она серьёзно. — Только не знаю, какая она. Мама, а почему у всех детей есть бабушки, а у меня нет?

Вероника на миг перестала улыбаться. Это длилось совсем недолго — меньше секунды, — но пальцы снова сжали край рисунка, и бумага едва слышно хрустнула.

— Так бывает, солнышко, — сказала она тем же ласковым голосом. — У тебя нет бабушек.

— Совсем нет? — удивилась Элизабет.

— Совсем, — слишком быстро ответила Вероника и уже мягче добавила: — Не думай об этом. Лучше дорисуй сад, у тебя там не хватает цветов.

Она вернула рисунок Элизабет, но не сразу отпустила лист, будто на мгновение ей захотелось порвать его или спрятать. Потом снова улыбнулась — красиво, спокойно, почти безупречно.

Элизабет послушно вернулась к рисунку, но вопрос не исчез. Он остался где-то глубоко внутри — маленький, тихий, пока ещё нестрашный.

Глава 2. Подслушанный разговор

Когда Элизабет исполнилось двенадцать, её спокойное детство впервые дало глубокую трещину. В ту ночь она проснулась от неясного шума: где-то внизу, за толстыми стенами старого дома, звучали приглушённые голоса. Сначала девочка решила, что ей показалось, но потом различила голос Вероники — резкий, напряжённый, совсем не похожий на тот ласковый голос, которым та обычно говорила при ней.

Элизабет осторожно выбралась из постели, накинула на плечи халат и босиком вышла в коридор. Пол под ногами был холодным, а в доме стояла такая тишина, что каждый её шаг казался слишком громким. Она спустилась на несколько ступеней и остановилась у приоткрытой двери кабинета. Изнутри падала узкая полоска света.

— Ты хоть понимаешь, как я себя чувствую? — голос Вероники дрожал от обиды, но в этой дрожи уже звучала злость. — Почему ты скрывал от меня, что ты граф? Почему я, твоя жена, узнаю об этом от чужих людей? Почему мы живём так, будто у нас ничего нет, если у тебя есть титул, имя, состояние?

Она резко прошла по комнате. Элизабет не видела её лица, но по тени на стене поняла: Вероника нервно жестикулирует, то подносит руку к виску, то сжимает пальцы в кулак.

— Десять лет, — продолжала Вероника уже тише, но от этого ещё страшнее. — Десять лет я живу рядом с тобой и ничего не знаю. А теперь оказывается, что всё это время рядом было богатство, власть, наследство... и всё это не моё.

— Вероника, родная, — голос отца звучал устало и мягко. Он явно пытался её успокоить. — Титул ничего не меняет. Я не хотел жить прошлым и не хотел, чтобы имя рода управляло нашей жизнью. Да, наследство есть. Но оно принадлежит не мне и не тебе. Оно принадлежит Элизабет. Всё перейдёт к ней, когда она станет взрослой.

За дверью Элизабет затаила дыхание. Слова отца будто не сразу дошли до неё. Наследство. Граф. Элизабет. Всё это звучало слишком странно, слишком по-взрослому, будто речь шла о ком-то другом, не о ней.

— Значит, я ничего не получу? — спросила Вероника. Теперь её голос стал низким и холодным. — Я воспитывала твою дочь, жила в этом доме, терпела твоё молчание... и в итоге всё достанется ей?

— Она моя дочь, — твёрже сказал отец. — И наследство принадлежит ей по праву. Но ты ведь знаешь: всё, что есть у меня сейчас, — наше. Я никогда не отделял тебя от своей жизни.

— Твоя жизнь меня не интересует! — внезапно сорвалась Вероника. — Меня интересует будущее. Моё будущее. А выходит, что у этой девчонки есть всё, а у меня — только роль заботливой жены и матери.

Эти слова ударили Элизабет сильнее, чем всё остальное. Она едва удержалась, чтобы не вскрикнуть. «Эта девчонка» — так Вероника сказала о ней. Не «дочь», не «наша девочка», не «Элизабет». Просто чужая девчонка, стоящая между ней и желанным богатством.

— Не говори так, — тихо, но строго произнёс отец. — Элизабет ни в чём не виновата. Она ребёнок.

В кабинете повисла тяжёлая пауза. Потом Вероника заговорила снова — уже тише, почти шёпотом, и от этого Элизабет стало ещё страшнее.

— А её мать? — спросила Вероника. — Ты и об этом будешь молчать? Она ведь до сих пор думает, что я её мать.

У Элизабет похолодели руки. Она вцепилась пальцами в край перил. На мгновение ей показалось, что дом качнулся, а тёмный коридор стал длиннее и страшнее.

— Я скажу ей, когда придёт время, — глухо ответил отец. — Не сегодня. Не так. Она ещё ребёнок, Вероника. И если правда должна прозвучать, то не из твоей злости и не в такую ночь.

Больше Элизабет слушать не могла. Мир, в котором она жила до этой ночи, рассыпался бесшумно и страшно. Вероника — не её мама. Отец — граф. У неё есть наследство. Значит, где-то в прошлом была другая женщина. Настоящая. Та, о которой ей никто не рассказывал. Та, чьё место в её жизни заняла Вероника.

Она медленно отступила от двери и вернулась к себе, почти не чувствуя ног. В комнате было темно, но теперь эта темнота казалась иной — не ночной, а внутренней. Элизабет села на край кровати, обняла себя за плечи и долго смотрела в одну точку. Слезы текли беззвучно. Она не понимала, почему ей лгали, почему от неё скрывали правду и почему голос Вероники, ещё вчера такой ласковый, теперь звучал в памяти холодно и чуждо.

Утром отец, как всегда, поцеловал её на прощание. Его ладонь была тёплой, голос — добрым, и от этого Элизабет стало ещё больнее. Она смотрела ему вслед и впервые не знала, что сказать. Ей хотелось спросить обо всём сразу, но слова застряли в горле.

Когда за ним закрылась дверь, дом будто сразу изменился. Тишина стала холодной, тяжёлой, настороженной. Элизабет стояла посреди комнаты и чувствовала: вчерашняя ночь не закончилась. Она только открыла дверь в то, что должно было начаться теперь.

Глава 3. Маска Вероники

Тишину дома внезапно разорвали быстрые, резкие шаги. Они приближались по коридору так стремительно, что Элизабет вздрогнула ещё до того, как дверь распахнулась. На пороге стояла Вероника. Но это была уже не та женщина, которая вчера улыбалась за завтраком и поправляла ей волосы перед школой. Лицо её исказила злость, глаза горели холодным, недобрым светом, а в движениях появилась такая грубая поспешность, будто она слишком долго сдерживала себя и теперь наконец позволила истинному лицу выйти наружу.

— Элизабет, хватит лежать! — выкрикнула она. Голос был резким, чужим, будто принадлежал совсем другой женщине. — Твой папаша уехал. Теперь будешь делать по дому всё, что я скажу. Ты же у нас богатенькая наследница, правда? Посмотрим, как быстро у наследниц заканчиваются силы.

Элизабет медленно поднялась с кровати. Сердце билось так громко, что каждый удар отдавался в висках. Она смотрела на Веронику и всё ещё пыталась найти в её лице хоть что-то знакомое: прежнюю мягкую улыбку, ласковый взгляд, ту заботливую «маму», рядом с которой когда-то было спокойно. Но перед ней стояла чужая женщина — злая, холодная, почти торжествующая. Будто добрая Вероника была лишь красивой маской, а под ней всё это время скрывалось совсем другое лицо.

— Мама... что с тобой? — тихо спросила Элизабет. Голос её дрожал, но она всё ещё надеялась, что это ошибка, страшная шутка, плохое утро, которое сейчас закончится. — А школа?

Вероника резко шагнула к ней и схватила за руку так сильно, что Элизабет невольно сжала плечи, стараясь стать меньше и незаметнее.

— Теперь будет так, как я скажу. Ясно тебе? — прошипела Вероника. — До школы будешь работать. После школы — тоже. Не успеешь — получишь. Думаешь, если всё достанется тебе, я буду прислуживать в твоём доме? Ошибаешься. Пока твой отец не видит, ты будешь знать своё место.

Элизабет почувствовала, как по телу прошёл холод. Боль в руке была неприятной, но страшнее было другое: Вероника говорила спокойно, уверенно, словно заранее решила, что теперь имеет право на всё. В её глазах будто прорвалось то, что копилось годами: слишком долго она улыбалась чужому ребёнку, слишком долго жила рядом с домом, именем и наследством, которые никогда не должны были стать её собственными. Девочка смотрела на неё и впервые до конца понимала — вчерашний разговор у кабинета был не просто ссорой взрослых. Он открыл то, что Вероника прятала годами: зависть, жадность и ненависть.

— И запомни, — бросила Вероника, наклоняясь к ней так близко, что Элизабет почувствовала её холодное дыхание. — Больше никогда не называй меня мамой. Я тебе не мать. И никогда ею не была.

С того утра дом изменился окончательно. Днём он больше не был похож на замок из детских рисунков. Он стал ловушкой, где каждый звук шагов заставлял Элизабет вздрагивать, а каждая открывающаяся дверь могла принести новый приказ, новую обиду, новый удар. Вероника заставляла её убирать комнаты, таскать тяжёлые вещи, мыть полы, стирать и делать всё молча, без жалоб. Если девочка уставала или замедлялась, следовал резкий окрик, болезненный толчок или пощёчина.

Глава 4. Правда о матери

Однажды Вероника уехала за покупками, и дом впервые за долгое время показался Элизабет не таким страшным. Тишина, обычно тяжёлая и настороженная, в тот день будто немного отступила, оставив в воздухе хрупкую возможность сказать правду. Девочка долго стояла перед дверью отцовского кабинета, не решаясь войти. Сердце билось так громко, что ей казалось: ещё немного — и этот стук услышат за стенами. Наконец она осторожно нажала на ручку и вошла.

В кабинете пахло бумагой, деревом и чем-то родным — тем спокойным запахом, который всегда ассоциировался у Элизабет с отцом, защитой и теплом. Сквозь высокое окно лился мягкий дневной свет, ложась на письменный стол, раскрытые документы и усталые руки отца. Он работал, но, заметив дочь, сразу поднял голову. Элизабет остановилась у стола — маленькая, напряжённая, с дрожащими пальцами и глазами, в которых уже стояли слёзы.

— Папа, я думала, что Вероника моя мама, — тихо сказала она. Эти слова прозвучали так хрупко, будто могли рассыпаться в воздухе. Отец сразу отложил бумаги. В его лице мелькнуло изумление, почти испуг: тайна, которую он столько лет хранил, вдруг сама вошла в кабинет и встала перед ним глазами его дочери.

— Кто тебе это рассказал? — спросил он, и в голосе его прозвучало беспокойство.

— Я случайно всё слышала, — призналась Элизабет, сжимая край платья. — Что ты граф. Что есть наследство. И что она не моя мама. А кто моя мама?

Отец долго молчал. Казалось, за эти несколько секунд в его глазах промелькнула целая жизнь — любовь, утрата, вина и то сожаление, которое слишком долго не находило слов. Потом он медленно поднялся, подошёл к старому шкафчику, открыл ящик и достал фотографию. Держал он её бережно, почти благоговейно, словно касался не бумаги, а самой памяти.

— У тебя была очень красивая, добрая мама, — тихо начал он. Голос его сразу стал другим — мягче, глубже, печальнее. — Когда тебе было всего два года, она попала в аварию. Мы сделали всё, что могли, но спасти её не удалось.

Он протянул фотографию Элизабет. На снимке была молодая женщина с тёплым, светлым лицом и глазами, полными такой нежности, что у девочки сжалось сердце. Это было странное чувство: будто она смотрела на кого-то родного и совершенно незнакомого одновременно.

— Вот твоя мама, — сказал отец почти шёпотом.

Элизабет взяла фотографию дрожащими руками. Мир вокруг будто замедлился: солнечный свет побледнел, звуки стали глухими, а внутри осталось только страшное осознание — у неё была мама, настоящая, добрая, красивая, но её больше нет. Слёзы хлынули сами собой. Ей было горько и одиноко, но вместе с этой болью поднялось и другое чувство — унижительное и мучительное: она ведь любила Веронику, верила ей, называла её мамой, а в ответ теперь получала только жестокость.

И тогда, будто сломав внутри себя последнюю преграду, Элизабет подняла заплаканные глаза на отца.

— Она меня бьёт, — сказала девочка едва слышно.

Отец резко вскинул голову, словно не сразу понял услышанное. В его взгляде мелькнуло потрясение. Он посмотрел на дочь внимательнее — и только теперь заметил синеватую тень у запястья, тонкую полосу на коже, которую она всё это время пыталась прикрыть рукавом. Лицо его побледнело, но почти тут же в глазах появилась растерянная, мучительная попытка не поверить увиденному.

— Может быть, ты упала? — тихо спросил он, и сам услышал, как слабо, почти жалко звучит это объяснение. — Вероника бывает резкой, я знаю... но она столько лет была рядом, заботилась о тебе. Не может быть, чтобы она... — Он замолчал, потому что договорить не смог.

Признать правду значило признать и другое: все эти годы он ошибался, доверяя женщине, которой оставлял самое дорогое.

В кабинете стало невыносимо тихо. Только слёзы девочки падали на фотографию женщины, которая когда-то была её настоящей матерью. Элизабет прижала снимок к груди, словно пыталась найти в нём защиту, которой не нашла в живом человеке перед собой.

Она слабо улыбнулась — той надломленной улыбкой, за которой дети иногда прячут боль, когда уже не хватает сил спорить. Потом молча вышла из кабинета. Коридор показался бесконечным, стены — чужими, а весь дом, ещё недавно полный привычного уюта, теперь казался холодным и равнодушным.

Закрыв за собой дверь комнаты, Элизабет прислонилась к ней спиной и медленно сползла на пол. Она обняла себя за плечи так, словно пыталась удержать внутри всё, что в ней ломалось. Самым страшным было даже не то, что Вероника причиняла ей боль, а то, что отец — её последняя надежда — не поверил.

После этого разговора в душе девочки будто что-то оборвалось. Мир стал темнее, жёстче, лишённым того последнего света, который ещё теплился в её сердце. А когда Вероника вернулась домой, всё продолжилось — только теперь с новой силой, словно сама попытка Элизабет рассказать правду стала для неё поводом мстить ещё беспощаднее.

Глава 5. Последний разговор с отцом

Отец всё чаще уезжал и порой не возвращался домой неделями. Каждый его отъезд делал дом для Элизабет ещё более пустым и чужим: будто вместе с ним исчезала последняя живая искра, способная согреть эти стены. Вероника становилась смелее в своей жестокости, а девочка всё сильнее привыкала жить настороженно — слушать шаги, угадывать настроение по звуку двери, прятать боль за молчанием.

И вот однажды вечером он вернулся. Элизабет сразу почувствовала: что-то изменилось. В доме горели приглушённые лампы, коридоры тонули в полутьме, а воздух казался необычно тяжёлым, словно сам старый дом затаил дыхание. Преодолевая тревогу, девочка тихо подошла к комнате отца, осторожно приоткрыла дверь и вошла.

Отец лежал на диване с закрытыми глазами. Лицо его было бледным, осунувшимся, а в чертах проступила такая усталость, какой Элизабет прежде никогда не видела. Казалось, за время последней поездки он постарел сразу на много лет. Она замерла у порога, испугавшись не его молчания, а той странной неподвижности, в которой было что-то пугающе окончательное.

— Папа... всё хорошо? — тихо спросила она.

Он медленно открыл глаза и попытался улыбнуться. Улыбка вышла слабой, но такой нежной, что у Элизабет сразу защемило сердце.

На маленьком столике рядом с диваном стоял стакан воды, несколько пузырьков с лекарствами и смятая салфетка. Отец попытался приподняться, но тут же закашлялся — сухо, болезненно, прикрывая рот ладонью. Он быстро отвернулся, будто не хотел, чтобы Элизабет увидела, как тяжело ему даётся даже это короткое движение.

Элизабет подошла ближе. Отец взял её ладонь в свою и долго держал, будто хотел запомнить это прикосновение. Потом осторожно погладил её по волосам — медленно, бережно, с той особенной нежностью, которая бывает у людей, прощающихся ещё до того, как они произнесли последнее слово.

— Я давно должен был сказать тебе одну важную вещь, — начал он после паузы. — Ты не одна на этом свете, слышишь? У тебя есть бабушка. Моя мама.

Элизабет вздрогнула. Слово «бабушка» прозвучало для неё почти невероятно — как ответ на тот давний вопрос, который однажды так испугал Веронику.

— Бабушка?.. А где она живёт? — спросила девочка, и в её голосе впервые за долгое время мелькнула робкая надежда.

— По ту сторону леса, — ответил отец. — Она настоящая графиня. Мы с ней очень сильно поссорились, когда я женился на Веронике, и с тех пор между нами выросла стена молчания. Я был упрям, слишком горд... и, может быть, слишком поздно понял, как много у тебя отнял своим молчанием.

Он закашлялся, на мгновение прикрыл глаза и снова сжал её руку.

— Если когда-нибудь тебе станет совсем тяжело, ищи её. Она сильная. Она сможет защитить тебя лучше, чем я... — Последние слова он произнёс почти шёпотом, и от этой тихой горечи Элизабет стало страшно.

— Папа, не говори так, — прошептала она, придвигаясь ближе. — Ты сам меня защитишь.

Отец посмотрел на неё долго и печально. В его взгляде было столько любви, вины и невысказанной боли, что Элизабет вдруг захотелось расплакаться, хотя она ещё не понимала почему.

— Я очень тебя люблю, — сказал он. — Больше всего на свете. Помни это всегда, солнце моё.

Он притянул её к себе и обнял крепко-крепко — так, будто хотел закрыть от всего мира, от Вероники, от будущего, от самой судьбы. Элизабет прижалась к нему, чувствуя слабое бие-ние его сердца, и вдруг испугалась этой слабости сильнее всего.

— А теперь иди спать, моя маленькая девочка, — едва слышно сказал отец. — Завтра всё будет лучше.

Элизабет вышла из его комнаты медленно, всё ещё ощущая на плечах тепло его рук. Ночь казалась бесконечной. Она долго лежала без сна, глядя в темноту, и почему-то не могла избавиться от чувства, что этот разговор был не просто разговором, а прощанием.

Утром её разбудил странный шум: торопливые шаги, глухие голоса, скрип дверей, приглушённые команды. Дом, ещё ночью такой тихий, теперь был полон чужих людей. Элизабет выбежала в коридор и увидела внизу врачей, полицейских. У ворот стояла скорая, а воздух был пропитан страхом и чем-то необратимым.

Вероника кричала и плакала так громко, что её голос резал слух, но Элизабет почти не слышала этих звуков. Внутри неё всё уже стало ледяным и пустым, будто сердце заранее поняло то, что разум ещё отказывался принять.

Когда ей сказали, что отец умер, мир не просто рухнул — он рассыпался на тысячи острых, беззвучных осколков. Всё, что ещё держало её в этом доме, исчезло в одно мгновение. Отец был её последней опорой, последним светом, последним человеком, к которому она могла мысленно тянуться сквозь страх. Теперь и этот свет погас.

Глава 6. Наследница в ловушке

Она плакала долго — так, будто вместе со слезами из неё уходили последние силы, последняя надежда, последнее детское ощущение, что мир всё ещё может быть добрым. После похорон дом на несколько дней наполнился чужими голосами, приглушёнными разговорами, шорохом траурной одежды и запахом увядших цветов. В этом скорбном людском присутствии Вероника снова надела свою привычную маску: говорила тихо, смотрела печально, касалась Элизабет почти бережно, будто и вправду разделяла её утрату. Целую неделю она была милой, внимательной и удивительно спокойной, и со стороны могло показаться, что горе сделало её мягче.

Но однажды вечером последние гости уехали. За воротами стих шум машины, в прихожей погасли чужие голоса, и дом впервые после похорон остался совсем пустым. Элизабет стояла у лестницы, сжимая в руках чёрную ленту от траурного венка, когда Вероника медленно подошла к входной двери и повернула ключ в замке. Щелчок прозвучал сухо и громко, будто дом окончательно захлопнулся изнутри.

Вероника постояла спиной к ней несколько секунд, потом сняла с головы траурную вуаль и небрежно бросила её на кресло. Вместе с тонкой чёрной тканью с её лица будто исчезла и скорбь. Плечи расправились, губы тронула холодная усмешка, а глаза стали сухими, внимательными и жестокими.

— Ну вот, — сказала она тихо, но в этой тишине было больше угрозы, чем в крике. — Теперь нас никто не видит.

Элизабет не сразу поняла смысл этих слов, но тело отозвалось раньше разума: внутри всё сжалось, пальцы онемели, а чёрная лента выпала из рук и бесшумно легла на пол. Вероника медленно обернулась к ней — уже без слёз, без мягкости, без той скорбной кротости, которую так убедительно показывала перед посторонними.

— А значит, — добавила Вероника, делая шаг ближе, — ты наконец будешь жить так, как должна была жить с самого начала. Молча. Послушно. И без надежды, что кто-то придёт тебя жалеть.

Она продолжала бить Элизабет и издеваться над ней с какой-то пугающей, почти холодной методичностью, словно боль ребёнка больше не вызывала в ней даже вспышки гнева — только привычное, жестокое удовлетворение. Тело девочки всё было покрыто синяками: тёмными, багровыми, желтеющими по краям пятнами, будто сама кожа уже не выдерживала того, что приходилось ей переживать. Однажды Вероника избила её так сильно, что Элизабет едва дошла до своей комнаты. Каждый шаг отзывался болью, ноги подкашивались, перед глазами плыло, а в ушах стоял глухой шум. Закрыв за собой дверь, она медленно опустилась на пол и долго плакала — тихо, безнадежно, уткнувшись лицом в дрожащие ладони. Но в этом доме некому было услышать её слёзы, некому было пожалеть, прижать к себе, сказать, что всё это когда-нибудь закончится.

Глава 7. Первый побег

Ночью, когда дом погрузился в тягостную тишину, Элизабет из последних сил собрала немного вещей и ушла. Руки дрожали, каждое движение причиняло боль, но внутри неё уже не осталось ничего, кроме одной отчаянной мысли: бежать. Папа когда-то сказал, что на окраине, по ту сторону леса, живёт её бабушка, и теперь эти слова вспыхнули в памяти, как слабый огонёк среди полной темноты. Девочка тихо вышла из дома и побрела вперёд, почти не чувствуя ног. Ночь была густой, сырой, лес казался бесконечным и чужим: ветви царапали лицо, под ногами хрустели ветки, где-то в темноте шевелились тени, а холодный ветер пробирал до костей. Но Элизабет почти не помнила, как шла. Она не думала о страхе, не слышала собственных шагов — она просто шла, ведомая одной-единственной надеждой не погибнуть в том доме. И вдруг вдали вспыхнул свет. Он показался ей спасением. Собрав последние силы, она побежала туда, спотыкаясь, задыхаясь, цепляясь за кусты и корни. Когда Элизабет выбежала на свет, оказалось, что это была полиция, которая искала её.

— Я не пойду домой, не трогайте меня, я не вернусь к ней!.. — закричала Элизабет, вырываясь из чужих рук с такой силой, словно от этого зависела сама её жизнь. Голос её сорвался на хрип, в нём было столько ужаса, что даже ночной воздух будто дрогнул. — Она меня убьёт!.. Пожалуйста, не отдавайте меня ей!..

Полицейских было трое — молодых, сильных, в форменной одежде, которая для Элизабет в тот миг должна была означать спасение. Но они не услышали её. Или не захотели услышать. Для них перед ними стояла не измученная, перепуганная девочка, а всего лишь беглянка, которую нужно вернуть домой. Они крепко взяли её под руки, несмотря на крики, слёзы и отчаянные попытки вырваться, усадили в машину и повезли обратно. Когда за окном снова поплыли знакомые тёмные очертания дороги к дому, Элизабет почувствовала, как внутри всё холодеет. Последняя надежда, вспыхнувшая в лесной темноте, угасла так же внезапно, как и появилась. Ей казалось, что машину везут не домой, а прямо в пасть чудовища, из которой она уже никогда не сможет выбраться.

Позже Элизабет поняла: Вероника подготовилась заранее. Ещё до того, как её нашли, она успела рассказать всем, что девочка тяжело переживает смерть отца, стала нервной, путается в словах, фантазирует и пытается привлечь к себе внимание побегами. Она говорила это так убедительно, с таким надломленным материнским отчаянием, что взрослые охотно поверили ей раньше, чем успели по-настоящему услышать ребёнка.

Их встретила Вероника — вся в слезах, с дрожащими руками и надломленным голосом, будто сама только что пережила страшное горе. Она бросилась навстречу, благодарила полицейских, прижимала ладони к груди и смотрела на Элизабет с такой показной тревогой, что любой посторонний решил бы: перед ним любящая мать, чудом вернувшая потерянного ребёнка. Но стоило девочке поднять на неё глаза, как за этой маской мгновенно проступило нечто другое — холодное, жёсткое, почти торжествующее. В этом взгляде не было ни облегчения, ни любви. Там жила только злая радость от того, что беглянку вернули обратно.

Глава 8. Погреб

Когда полицейские уехали и шум машины затих за воротами, дом сразу будто изменился. Исчезла притворная суета, исчезли слёзы, и вместе с этим из воздуха ушла даже видимость спасения. В прихожей стояли ещё двое незнакомых парней — широкоплечие, мрачные, с равнодушными лицами людей, готовых выполнить любой приказ. Элизабет едва взглянула на них, и внутри у неё всё похолодело. Она сразу поняла: теперь никто не увидит, что с ней будет дальше.

Они схватили Элизабет грубо, без единого слова, словно перед ними был не живой ребёнок, а вещь, которую нужно просто унести с глаз долой. Девочка вскрикнула, попыталась вырваться, но сил у неё почти не осталось. Её потащили по коридору, вниз по холодным ступеням, и с каждым шагом воздух становился всё тяжелее, сырее, пропитаннее запахом земли, плесени и старого вина. Когда они втолкнули её в винный погреб, Элизабет показалось, будто её бросили в самую глубину чёрной, безжалостной ямы. На каменном полу звякнула железная цепь. Один из парней резко наклонился и застегнул тяжёлое кольцо на её ногу. Холод металла обжёг кожу сильнее огня. В этот миг девочка окончательно поняла: её не просто наказали — её сделали пленницей.

— Ты никогда не уйдёшь отсюда. Я тебя сгною здесь, — сказала Вероника тихо, почти спокойно, и именно эта ледяная ровность в её голосе пугала сильнее любого крика. Слова прозвучали так, будто она произносила не угрозу, а уже вынесенный приговор.

Так прошло несколько дней — или, может быть, вечностей. В погребе время перестало быть понятным. Там не было ни утра, ни вечера, только сырой мрак, холод каменных стен и цепь, которая звенела при каждом её движении, напоминая о том, что свобода осталась где-то далеко, почти в другой жизни.

Элизабет почти не кормили — только вода и маленький кусочек хлеба, которого не хватало даже на то, чтобы унять голод. Слабость нарастала с каждым часом, тело ломило, голова кружилась, губы пересохли, а раны и синяки ныли так, будто боль жила уже не в теле, а в самой крови. И вот однажды вечером, когда сырой мрак погреба стал особенно тяжёлым, снова послышались шаги. Они были неспешными, уверенными, и от одного их звука у Элизабет всё внутри сжалось. Вероника вернулась — и с ней снова пришли те самые парни.

— Ну что, отдохнула? — сказала Вероника с медленной, жестокой усмешкой, в которой не было ни капли человечности. — Я кое-что нашла. Видишь эту железку? Это ваш фамильный герб. Теперь он пригодится по-настоящему.

Элизабет молчала. Она уже не просила и не спорила — в ней остался только животный страх, глухой и ледяной. Вероника опустила у огня и начала разогревать клеймо. Металл медленно темнел, потом наливался тусклым красным светом, и это зрелище было страшнее любого крика. В погребе запахло раскалённым железом. Парни шагнули ближе. Их руки грубо вцепились в плечи и запястья девочки, прижимая её так крепко, что она почти не могла дышать.

— Не надо... пожалуйста, не делай этого!.. — закричала Элизабет так, будто этим криком ещё можно было остановить надвигающийся ужас. Голос её сорвался, в нём было столько боли и отчаяния, что даже стены погреба, казалось, должны были дрогнуть.

— Быстрее умрёшь, истечёшь кровью и сдохнешь, — почти с наслаждением повторяла Вероника. — И наследство будет моим.

Вероника подошла ближе, резко сорвала с кофты Элизабет рукав и, не колеблясь ни секунды, прижала раскалённое клеймо к её руке — чуть ниже плеча. В тот миг время словно разорвалось. Воздух наполнился резким запахом палёной кожи, а боль вспыхнула такой ослепительной, такой невыносимой волной, будто огонь вошёл не только в тело, но и в самую душу.

Элизабет закричала дико, надрывно, так, словно этот крик мог расколоть каменные стены погреба. Боль была такой страшной, что мир перед глазами мгновенно поплыл, потемнел, рассыпался на рваные тени. Последнее, что она почувствовала, — это собственные слёзы на лице и ледяной камень под ногами. Потом всё провалилось в чёрную, спасительную пустоту.

Глава 9. Ночь под дождём

Когда Элизабет пришла в себя, первое, что она почувствовала, была боль — жгучая, рвущая, почти невыносимая. Она лежала на холодном каменном полу, и ей казалось, будто всё тело превратилось в одну сплошную рану. Рука, чуть ниже плеча, горела так, словно раскалённое железо всё ещё впивалось в кожу; из страшной, воспалённой раны медленно текла кровь, тёплая и липкая, скатываясь по онемевшей руке. В голове шумело, перед глазами всё расплывалось, но сквозь эту мутную боль пробивалась одна-единственная мысль: если она останется здесь, то умрёт. Сил почти не было. Каждый вдох давался с трудом, будто воздух сам по себе стал тяжёлым и колючим. Но страх оказался сильнее слабости. Собрав остатки воли, Элизабет приподнялась, нашла старые инструменты и, дрожащими пальцами, едва не теряя сознание от боли, сумела разжать кольца цепи. Металл звякнул так тихо, будто сама ночь затаила дыхание, боясь выдать её побег. Она выбралась из погреба почти ползком, потом, шатаясь, пробралась через сарай и снова побежала в лес — теперь уже в другую сторону, туда, где, как ей казалось, ещё могла быть хоть какая-то надежда. Лес встретил её полной темнотой. Ветки царапали лицо и руки, мокрые кусты цеплялись за одежду, корни хватали за ноги, словно сама земля пыталась удержать её. Она шла, спотыкалась, падала, снова поднималась, не замечая ни боли в босых ногах, ни холода, который всё глубже вползал под кожу. Но с каждой минутой силы покидали её всё быстрее. Ночь становилась всё гуще, лес — всё страшнее, а бабушкин дом, о котором она так отчаянно думала, казался уже почти недостижимой сказкой. Наконец Элизабет не выдержала. Не добравшись до цели, она рухнула возле огромного дерева, такого старого и тёмного, будто оно стояло здесь с начала времён. В тот же миг небо разорвал дождь. Холодные струи хлестнули по лицу, по раненой руке, по спутанным волосам. Элизабет прижалась к шершавому стволу, словно искала у него защиты, и слёзы смешались с дождевой водой. Её трясло от холода, губы посинели, пальцы больше не слушались. Вокруг был только лес, дождь и бесконечная чёрная ночь. Двигаться она больше не могла. Оставалось лишь сидеть, дрожа и задыхаясь от боли, и ждать — спасения или конца.

Сколько она просидела под тем деревом, Элизабет не знала. Время давно перестало для неё существовать: дождь всё лил и лил, холод пробирал до костей, а боль в раненой руке пульсировала так яростно, будто в тело снова и снова вонзали раскалённое железо. Мир вокруг плыл, то гас, то возвращался вспышками — шорох мокрых ветвей, тяжёлое дыхание, стук собственного сердца, едва слышный сквозь шум крови в ушах. Она уже почти не различала, где лес, где небо, где реальность, а где бред. Ей казалось, что ещё немного — и тьма поглотит её окончательно.

— Элизабет... Элизабет... очнись... — сквозь шум дождя донёсся до неё чужой голос, настойчивый, живой. Кто-то осторожно, но быстро хлопал её по щекам, пытаясь вернуть к сознанию, словно вырывал из самой глубины темноты.

— Кто ты?.. — с трудом открыв глаза, прошептала Элизабет. Голос её был хриплым, слабым, почти неузнаваемым. Перед ней всё плыло, силуэт человека распадался на тёмные и светлые пятна, и только через несколько мучительных секунд она сумела различить лицо.

Перед ней стоял молодой полицейский — тот самый, которого она уже видела раньше, в ту страшную ночь, когда её вернули обратно в дом. Теперь дождь стекал по его волосам, по воротнику формы, по напряжённому лицу, а луч фонарика дрожал в его руке. Но в глазах его не было прежнего равнодушия. Там читались тревога, потрясение и какая-то мгновенная, почти болезненная решимость.

— Она меня хочет убить... — задыхаясь, проговорила Элизабет, цепляясь за его рукав дрожащими, ослабевшими пальцами. — Она держала меня на цепи... это она сделала... —

девочка с трудом подняла раненую руку, и в её голосе смешались ужас, боль и последняя надежда быть услышанной. — Она убьёт меня... ей нужно моё наследство...

Полицейский молча опустился рядом и посветил фонариком на её раны. Свет выхватил из темноты страшную картину: кровь, смешанную с дождевой водой, синяки, следы побоев, железное кольцо на ноге, врезавшееся в кожу, и свежее клеймо, из которого всё ещё сочилась кровь. Лицо его резко изменилось. Он побледнел, сжал челюсти так, что на скулах заходили желваки. Всё, что сказала Элизабет, оказалось правдой — страшной, чудовищной, такой, в которую невозможно было больше не верить.

И в тот же миг его будто ударило изнутри. Перед глазами вспыхнула другая ночь: эта же девочка, только ещё целая, живая, отчаянно кричащая в полицейской машине, умоляющая не возвращать её домой. Тогда он поверил взрослым, приказу, спокойному голосу женщины у дверей. Тогда он сам помог вернуть ребёнка туда, где её ждали цепь, погреб и раскалённое железо. Осознание пришло не мыслью, а болью — резкой, удушающей, такой, от которой стало трудно дышать.

Алексей медленно провёл лучом фонаря по железному кольцу на её ноге, по синякам, по кровавому клейму на руке — и всё внутри него сжалось от стыда и ярости. Теперь он видел не просто избитого ребёнка. Он видел последствия собственного равнодушия, своей молодой неопытности, того единственного решения, которое уже невозможно было отменить. В эту секунду он понял: если снова отвезёт её назад, то станет соучастником её смерти.

С этого мгновения страх уступил место решимости. Что бы ни сказали старшие по званию, что бы ни потребовали правила, он больше не имел права ошибиться. Он уже однажды не услышал её — теперь обязан был услышать. И эта вина, горячая и тяжёлая, навсегда зашла в его сердце, в него вместе с дождём, кровью и её почти беззвучной мольбой о помощи.

— Не уходи отсюда. Я скоро вернусь, — тихо, но твёрдо сказал полицейский, и в его голосе уже не было ни тени сомнения. — Я скажу всем, что тебя здесь нет.

— Я не могу уйти... даже если захочу... — прошептала Элизабет, и слёзы смешались у неё на лице с холодными каплями дождя. — Пожалуйста... помогите мне...

Полицейский исчез в темноте так же быстро, как появился, а Элизабет осталась одна среди дождя, боли и лесного шороха. Ей казалось, что сейчас всё повторится: приедут люди Вероники, схватят её, потащат обратно, и тогда это будет уже конец. Страх душил сильнее, чем холод. Она пыталась не закрывать глаза, но веки становились всё тяжелее. Мир перед ней медленно тонул в серой, дождливой мгле.

Но она ошиблась. Когда полицейский вернулся, Элизабет уже почти не чувствовала себя. Сознание уходило, будто вода утягивала её на дно. Всё так же лил проливной дождь, небо было чёрным, тяжёлым, а лес — бесконечно чужим. Он осторожно поднял её на руки, как поднимают кого-то очень хрупкого, едва живого, и быстро понёс сквозь дождь к ближайшему дому. В его шагах была спешка, в дыхании — напряжение, а в самом этом движении вперёд чувствовалось одно: он больше не собирался отдавать её в руки смерти.

Прижимая к себе её бессильно обмякшее тело, полицейский шёл всё быстрее, пока впереди наконец не выросли большие ворота, темнеющие сквозь дождевую пелену, как последняя возможность спастись.

Он подбежал к воротам и изо всех сил заколотил в них кулаком, не чувствуя ни дождя, ни боли в руках, ни промозглого ветра.

— Помогите! Пожалуйста, помогите! — кричал он так громко, что этот крик прорезал ночь, дождь и тишину вокруг, будто сам отчаялся допустить, чтобы девочка умерла у него на руках.

Глава 10. Дом графини

Ворота со скрипом распахнулись, и их встретил охранник — высокий, молчаливый, с настороженным взглядом человека, привыкшего к ночным тревогам. Он лишь быстро оценил происходящее и, не задавая лишних вопросов, повёл их внутрь. Дом оказался огромным, старинным, наполненным мягким полумраком, тёплым светом ламп и каким-то особым спокойствием, которого Элизабет не знала уже очень давно. В этих высоких стенах, в тяжёлых портьерах, в мягком свете, ложившемся на пол, было что-то надёжное, защищающее, будто сам дом мог укрыть от зла. Алексей осторожно нёс девочку на руках, чувствуя, какой лёгкой, почти невесомой она стала от боли, холода и изнеможения.

В просторном холле их встретила пожилая дама. Она стояла прямо, с той спокойной осанкой, в которой угадывались годы достоинства, силы и привычки повелевать судьбой, не повышая голоса. Серебристые волосы были аккуратно уложены, лицо оставалось строгим, но в глазах в тот миг вспыхнул настоящий испуг, едва она увидела окровавленную, полуживую девочку на руках у незнакомого полицейского. За одно короткое мгновение её взгляд стал другим — не просто внимательным, а глубоко личным, почти материнским, будто сердце уже узнало в этом измученном ребёнке родную кровь.

— Скорее, положите её на диван, — сказала женщина ровным, но твёрдым голосом, в котором не было ни суеты, ни паники, только властная собранность человека, умеющего действовать в беде. — Что произошло?

— Она уже второй раз пытается сбежать из дома, — быстро, сбивчиво, но твёрдо произнёс Алексей, осторожно опуская Элизабет на диван. — В первый раз мы сами вернули её обратно, и я до сих пор не могу себе этого простить. Но сегодня я нашёл её в лесу. Когда я увидел её раны... — он на мгновение запнулся и поднял её руку с клеймом, — я понял, что всё это правда. Её били, держали на цепи, издевались над ней. Я не мог отвезти её назад. Ваш дом был единственным местом поблизости... мне просто больше некуда было нести её.

— Вы всё сделали правильно, — тихо сказала женщина, и в её голосе прозвучала не просто благодарность, а редкая, глубокая серьёзность. Она ещё раз посмотрела на Элизабет, и в этом взгляде уже была не только тревога, но и решимость защитить её любой ценой. — Как вас зовут, молодой человек?

— Алексей, — ответил он, всё ещё тяжело дыша после дороги и пережитого.

— Очень приятно, Алексей. Я Елизавета Николаевна, графиня Барская, — произнесла она с тихим достоинством. Потом её взгляд снова опустился на лицо девочки, и черты женщины заметно дрогнули. — А эта девочка... моя внучка Элизабет. Я узнаю её, хотя до сих пор видела только на фотографиях. Сейчас приедет доктор. Не тревожьтесь, она в надёжных руках. Здесь её больше никто не обидит. Можете ехать спокойно домой.

Она на мгновение закрыла глаза, и строгие черты её лица дрогнули от боли, которую она не позволила себе показать полностью.

— Если бы я знала... — прошептала она почти беззвучно. — Если бы твой отец написал мне раньше, если бы переступил через свою гордость... я бы забрала её отсюда ещё до того, как зло успело бы коснуться её. Но теперь сожаления уже ничего не исправят. Теперь я должна сделать то, что должна была сделать давно.

— Хорошо... Я смогу навестить её завтра? — спросил Алексей, и в этом вопросе прозвучало больше, чем простая вежливость: тревога, ответственность и странная, неожиданная привязанность, родившаяся за эту страшную ночь.

— Да, конечно, можете, — ответила Елизавета Николаевна. — Только у меня к вам большая просьба: никому ничего не рассказывайте. Пока она здесь, мир должен думать, что её не нашли.

— Конечно. Не переживайте. Спасибо вам большое, — тихо сказал Алексей. Он ещё раз посмотрел на Элизабет, неподвижно лежащую на диване среди мягкого света и чужой, но наконец-то доброй тишины, и только после этого ушёл. За дверью всё ещё лил дождь, но теперь ему казалось, что этой ночью он всё-таки успел вырвать её у самой смерти.

ЧАСТЬ II. МАСКА ЮНОЙ ГРАФИНИ

Глава 11. Новая жизнь

Утром Элизабет медленно открыла глаза и не сразу поняла, где находится. Комната, в которой она очнулась, была просторной и светлой: сквозь большое высокое окно внутрь лился мягкий утренний свет, ложась золотистыми полосами на пол, на тяжёлые кремовые шторы и на резные деревянные спинки мебели. Стены были выдержаны в тёплых, спокойных тонах, а в воздухе стоял едва уловимый запах чистого белья, лекарственных трав и чего-то домашнего, успокаивающего. Она лежала на широкой, мягкой кровати под лёгким одеялом, и после сырости, боли и ужаса последних дней эта комната казалась ей почти сказочной — тихой, безопасной и удивительно красивой. Первым, кого она увидела, был доктор.

— Доброе утро, — сказал мужчина в возрасте. Он был высокий, сухощавый, с аккуратно зачёсанными назад седыми волосами и внимательными, спокойными глазами человека, привыкшего вселять надежду одним своим присутствием. На нём был безупречно чистый светлый халат, а в каждом движении чувствовалась уверенность, опыт и мягкая сдержанность.

— Доброе утро, — ответила Элизабет.

Вдруг дверь распахнулась, и в комнату вошла пожилая женщина такой редкой, строгой красоты, что Элизабет невольно затаила дыхание. Она была безупречно ухоженной, с благородной осанкой и спокойным достоинством, которое не требовало ни громких слов, ни лишних жестов. Её серебристые волосы были уложены аккуратно и изящно, тонкие черты лица сохраняли аристократическую мягкость, а в глубине глаз светились и сила, и тревога, и какая-то пронзительная, почти родная нежность.

— Доброе утро, дочка. Как ты себя чувствуешь? — спросила она мягко, но в её голосе всё равно звучала та внутренняя сила, которой привыкли подчиняться без возражений. Она подошла ближе, и от неё повеяло тонким ароматом дорогих духов, чистоты и домашнего тепла.

— Доброе утро... Хорошо, — тихо ответила Элизабет, всё ещё всматриваясь в лицо незнакомой женщины. В её голосе звучали и осторожность, и смущение, и едва заметная надежда, которую она пока боялась впустить в сердце.

— Доктор, что скажете? — спросила женщина, слегка повернув голову. В этом коротком вопросе слышались тревога, забота и привычка держать всё под контролем даже в самые тяжёлые минуты.

— Всё в порядке, раны заживут, — спокойно ответил доктор, бросив на Элизабет одобрительный, обнадеживающий взгляд. — Я приеду вечером на перевязку. Вот обезболивающие, их нужно принимать ещё пару дней. — Сказав это, он аккуратно оставил лекарства на столике и тихо вышел, оставляя после себя ощущение порядка и уверенности.

Когда дверь за доктором осталась приоткрытой, Элизабет вдруг насторожилась. Она несколько секунд смотрела на тонкую полоску света в щели, не понимая, почему никто не запирает её снаружи. Потом в коридоре что-то негромко стукнуло, и девочка вздрогнула всем телом, машинально прижав раненую руку к груди и спрятав её под одеяло, будто от одного резкого звука боль снова могла вернуться.

— Бабушка?.. — почти шёпотом спросила Элизабет. Это слово прозвучало так осторожно, будто она боялась спугнуть внезапно явившееся чудо.

— Да, девочка моя, я твоя бабушка, — сказала женщина и, присев на край кровати, бережно взяла Элизабет за руку. Её пальцы были прохладными, тонкими, но удивительно надёжными. — Я сразу тебя узнала. Ты очень похожа на моего сына — не только лицом, но и

взглядом. А как ты поняла, что я твоя бабушка? — в её голосе теперь звучало не официальное достоинство графини, а тихая, почти материнская нежность.

— Папа перед смертью позвал меня к себе и рассказал, что у меня есть бабушка... графиня... и что вы живёте по ту сторону леса, — проговорила Элизабет, и голос её дрогнул при воспоминании об отце. — В первый раз я побежала не туда... а потом — в другую сторону. Я искала вас. Я нашла вас... — закончила она уже совсем тихо и, не сдержавшись, прижалась к бабушке так, словно только теперь по-настоящему поняла, что больше не одна.

— Хорошо, девочка моя... — тихо сказала бабушка, и лицо её на мгновение стало жёстче, будто в душе поднялась старая, тяжёлая ярость. — Это Вероника сделала? — спросила она уже другим голосом: негромким, но таким холодным, что в нём слышалась опасность.

— Да... — выдохнула Элизабет, и в этом коротком слове было столько усталости и пережитого страха, что у самой бабушки дрогнули ресницы. — Она кричала, когда узнала про наследство, про то, что папа граф и что я наследница. Она издевалась надо мной, била меня... и сделала это клеймо на руке. — Последние слова дались ей особенно тяжело, и она невольно прикрыла раненую руку другой ладонью, словно всё ещё пыталась защититься от той боли.

— Много лет назад это клеймо ставили всему нашему роду, — медленно произнесла бабушка и, чуть приподняв рукав, показала своё — такое же, старое, побледневшее от времени, но всё ещё хорошо различимое. — Видишь? Ты не чужая. Ты одна из нас. — Она осторожно коснулась волос Элизабет, приглаживая их с такой лаской, какой девочка, казалось, не чувствовала уже целую вечность. — Так что не бойся, моя графиня. Теперь ты под моей защитой. Ты дома. Здесь тебя никто больше не тронет. Отдыхай. — И в этих словах было столько спокойной силы, что у Элизабет впервые за долгое время внутри стало по-настоящему тихо.

Теперь, находясь в тёплой, светлой комнате, Элизабет и сама не верила, что всё это происходит с ней наяву. Ей приносили еду на красивом подносе, заботливо поправляли подушки, тихо убирали комнату, а вокруг было столько покоя, уюта и внимания, что после пережитого ужаса ей казалось, будто она попала не просто в богатый дом, а в какой-то иной, почти сказочный мир. Впервые за долгое время она чувствовала себя не пленницей страха, а девочкой, о которой по-настоящему заботятся.

Глава 12. Спаситель

Днём двери снова мягко распахнулись, и в комнату вошла бабушка — по-прежнему прямая, собранная, величественная, — а рядом с ней остановился высокий молодой человек. Он был темноволосый, широкоплечий, с ясными карими глазами и спокойным, внимательным взглядом, в котором не было ни любопытства, ни неловкости, только тихая забота. В его облике чувствовались и сила, и молодость, и какая-то удивительная надёжность, от которой у Элизабет почему-то сразу стало спокойнее.

— Вот твой спаситель, — сказала бабушка, и в её голосе прозвучала редкая, едва заметная мягкость. Она перевела взгляд с Алексея на Элизабет, будто заранее понимая, что этот разговор важен для них обоих. — Побеседуйте, я не стану вам мешать.

Когда бабушка вышла, в комнате на мгновение стало особенно тихо. Вскоре служанка внесла поднос с чаем и конфетами, и тонкий аромат свежесваренных трав смешался с теплом комнаты, делая атмосферу почти домашней. Элизабет сидела на кровати, чуть смущённая и настороженная, а Алексей остановился неподалёку, словно боялся сделать лишнее движение.

— Элизабет, как ты себя чувствуешь? — спросил молодой человек мягко, и голос его оказался неожиданно тёплым, спокойным, совсем не похожим на сухой официальный тон. Потом он чуть улыбнулся, будто стараясь разрядить её смущение. — И, кстати, меня зовут Алексей.

— Очень приятно, Алексей... Спасибо вам большое за то, что вы меня спасли, — тихо сказала Элизабет, опуская глаза. Щёки её едва заметно порозовели от смущения. — Мне было очень страшно... — призналась она уже совсем тихо, словно эти слова всё ещё отзывались в ней эхом недавнего ужаса.

— Не за что, — ответил Алексей так просто и искренне, что в этих словах не было ни капли показной важности. — Я просто очень хотел тебе помочь. — Он ненадолго замолчал, разглядывая её уже не как потерянного ребёнка в лесу, а как живую, хрупкую девочку с усталыми глазами. — А сколько тебе лет? И... можно, мы будем на «ты»? Так будет легче общаться.

— Мне тринадцать, — ответила Элизабет и, чуть осмелев, подняла на него взгляд. — А тебе?

— Мне двадцать два, — ответил Алексей. — Я совсем недавно после армии пришёл работать в полицию. — Он говорил спокойно, без хвастовства, как человек, привыкший к простоте и делу. Потом немного замялся, будто сам удивился собственной смелости, и всё же спросил: — Можно, я буду приходить к тебе? Навещать тебя... если ты не против.

— Наверное, можно... — тихо ответила Элизабет, и в её голосе впервые прозвучала не только осторожность, но и робкая радость. — Только, наверное, надо спросить у бабушки. — Она сама не заметила, как после этих слов в комнате стало светлее не только от солнца за окном, но и от едва уловимого ощущения, что в её новой жизни появляется кто-то по-настоящему близкий.

Прошло ещё немного времени, и в комнату снова вошёл доктор. Его появление мягко, но неотвратимо напомнило, что этот короткий, почти хрупкий миг тепла подходит к концу. Алексей сразу почувствовал: пора уходить, хотя ему самому совсем не хотелось покидать эту светлую комнату, где впервые за долгое время в глазах Элизабет появилась не только боль, но и робкая жизнь.

— Увидимся, — сказал Алексей, мягко улыбнувшись. В этой короткой улыбке было что-то удивительно тёплое и обнадеживающее, будто он сам уже не сомневался, что вернётся сюда снова. Бросив на Элизабет ещё один быстрый, почти бережный взгляд, он тихо вышел за дверь.

В коридоре Алексея уже ждала бабушка. Она стояла у высокого окна, и мягкий дневной свет серебрил её волосы, подчёркивая строгую красоту лица и ту особенную величавость,

которая чувствовалась в каждом её движении. Даже молча она производила впечатление человека, привыкшего принимать важные решения и нести за них ответственность.

— Алексей, я бы хотела с вами поговорить, — сказала она спокойно, но так, что в её голосе сразу послышалась привычка быть услышанной без лишних вопросов.

Она провела его в кабинет — просторную комнату с высокими книжными шкафами, тяжёлыми шторами и массивным письменным столом, за которым, казалось, решались не только семейные, но и судьбоносные вопросы. Здесь пахло старой бумагой, а сама атмосфера была строгой, собранной и удивительно тихой.

— Присаживайтесь, молодой человек, — произнесла бабушка, указывая на кресло напротив. Сама она не спешила садиться, и в этой маленькой паузе чувствовалось, что разговор будет не формальным, а важным.

— Спасибо, — сказал Алексей и сел ровно, почти по-военному собранно, хотя внутри невольно чувствовал лёгкое напряжение. Перед этой женщиной трудно было держаться совсем свободно: в ней было слишком много достоинства, силы и проницательности.

— Так как именно вы спасли мою внучку, я не стану возражать против вашего появления в этом доме, — сказала бабушка, глядя на него внимательно и прямо. — Но помните: Элизабет ещё совсем ребёнок. Ей нужны спокойствие, безопасность, доброе общение и люди, рядом с которыми она сможет снова научиться доверять миру. Если вы действительно хотите ей помочь, помогайте бережно. Ей ещё многое предстоит наверстать — и в учёбе, и в жизни. — Последние слова она произнесла особенно строго, но за этой строгостью чувствовалась не холодность, а глубокая забота.

— Елизавета Николаевна, я всё понимаю, — ответил Алексей серьёзно и без тени легкомыслия. — Я никогда не позволю себе ничего лишнего. Я просто хочу быть рядом и помогать ей всем, чем смогу. Если нужно — с уроками, если нужно — просто разговором или поддержкой. И... если вы не против, я действительно с радостью буду приходить к вам в дом. — Он говорил спокойно, но в голосе его звучала такая искренность, что даже строгий взгляд бабушки стал чуть мягче.

Он замолчал на мгновение, словно подбирая самые честные слова, а потом добавил ещё тише:

— Я понимаю, что она ребёнок, Елизавета Николаевна. И после всего, что с ней случилось, ей нужен не герой из страшной ночи, а кто-то спокойный и надёжный рядом. Если позволите, я буду для неё скорее старшим братом — тем, кто поможет с уроками, научит не бояться людей и просто будет рядом, пока она снова учится доверять миру.

Глава 13. Уроки графини

С того времени у Элизабет началась совсем другая жизнь — размеренная, наполненная заботой, учёбой и тем новым, непривычным светом, который постепенно возвращал её к самой себе. Бабушка терпеливо учила её всему, что считала важным для настоящей юной графини: как держаться с достоинством, как ходить, как сидеть за столом, как одеваться, говорить и чувствовать себя уверенно в любом обществе. Частные учителя занимались с ней школьными предметами, и день за днём мир Элизабет становился шире, интереснее и спокойнее. А чтобы укрепить не только ум, но и тело, бабушка пригласила для неё учителя по спорту.

— Элизабет, хочу тебя познакомить: это твой учитель по спорту, — сказала бабушка с той спокойной уверенностью, с какой обычно представляла людей, которым уже заранее доверяла.

— Круто, — оживлённо сказала Элизабет, и глаза её сразу вспыхнули живым интересом. В её голосе прозвучала та детская искренность, которая ещё не успела исчезнуть под тяжестью пережитого.

— А какой спорт тебе нравится больше всего? — спросил учитель доброжелательно. Он был подтянутым, энергичным человеком с открытым взглядом и уверенной манерой держаться, в которой чувствовались привычка к дисциплине и любовь к движению.

— Я люблю баскетбол, — ответила Элизабет, и на её лице появилась светлая, почти озорная улыбка. — Но для этого нужна команда.

— Сейчас найдём тебе команду, — уверенно сказала бабушка, и в её голосе прозвучала та спокойная властность, при которой любое, даже самое неожиданное желание вдруг казалось вполне осуществимым.

Через несколько минут в зал вошли пятеро парней из охраны — высокие, крепкие, собранные, будто их и впрямь только что вызвали на особое задание. Их появление сразу оживило пространство, наполнив его шумом шагов, лёгкой неловкостью и предвкушением чего-то весёлого.

— Неплохо, — с одобрением произнёс тренер, оглядывая неожиданную команду так, словно уже мысленно распределял всех по позициям.

— Здравствуйте, а что здесь происходит? — спросил Алексей, подходя ближе. В его голосе звучали удивление и лёгкая улыбка, словно он сразу почувствовал, что попал в начало чего-то забавного и важного одновременно.

— Ты умеешь играть в баскетбол? — сразу оживившись, спросила Элизабет. В её взгляде мелькнули азарт и надежда, будто она уже увидела, как из этой странной, неожиданной компании действительно получится команда.

— Да, умею, — немного удивлённо ответил Алексей, переводя взгляд с Элизабет на остальных. По выражению его лица было видно, что он всё ещё пытается понять, как обычный день вдруг превратился в почти семейное спортивное собрание.

— Вот у нас уже есть команда, и это наш тренер, — сказала Элизабет с такой радостью, будто всё происходящее было лучшим сюрпризом за долгое время. Потом она улыбнулась — открыто, по-девичьи легко. — Ну что, играть будем?

— Дай ребятам время переодеться, — с лёгкой улыбкой сказала бабушка, наблюдая за этой сценой с редким для неё мягким удовольствием. Кажется, ей и самой было приятно видеть, как в доме всё чаще звучат смех, движение и жизнь.

Когда ребята вернулись, Элизабет невольно замерла. Перед ней стояли высокие, крепкие, широкоплечие парни, и каждый казался сильнее другого. Их мощные фигуры, уверенные движения и спортивная собранность сразу наполнили зал особой энергией. На их фоне Элизабет, хрупкая и невысокая, действительно казалась самой маленькой — почти тонкой веточкой

среди крепких молодых деревьев. Но в её глазах уже вспыхнул азарт, и это делало её совсем не слабой.

— Давайте знакомиться, я Элизабет, — сказала она с открытой улыбкой, стараясь скрыть лёгкое смущение.

— Андрей, — первым отозвался один из них и сразу широко улыбнулся, будто уже заранее придумал шутку, но решил пока приберечь её до начала игры. В его глазах светилось лёгкое, добродушное озорство.

— Максим, — представился второй, слегка кивнув. Он был самым молчаливым из всех: широкий в плечах, спокойный, похожий на человека, который редко говорит лишнее, зато всегда окажется там, где нужна сила.

— Владимир, — сказал третий. В его голосе прозвучало больше чувства, чем он сам, кажется, хотел показать. Он смотрел на Элизабет чуть внимательнее остальных — открыто, горячо, с той эмоциональностью, которая позднее могла легко обернуться ревностью.

— Дмитрий, — сдержанно представился следующий. Он не спешил улыбаться, но в его спокойном взгляде сразу чувствовалась уверенность старшего в команде: тот редкий тип людей, рядом с которыми даже шумная компания невольно становится собранием.

— Дани, — коротко представился ещё один парень и тут же дружелюбно подмигнул Элизабет, будто хотел показать: бояться их совсем не нужно. В нём было больше лёгкости, чем в остальных, — та самая простая открытость, которая быстро располагает к себе.

— Алексей, — сказал он и улыбнулся той тёплой, спокойной улыбкой, от которой у Элизабет почему-то сразу стало легче.

— Очень приятно, — ответила Элизабет, переводя взгляд с одного на другого и уже чувствуя, как неловкость постепенно уступает место любопытству и азарту.

Элизабет ещё раз оглядела их и вдруг поняла, что они совсем не похожи друг на друга. Дмитрий казался спокойным центром этой странной команды, Владимир — самым живым и вспыльчивым, Андрей — тем, кто обязательно рассмешит всех в трудную минуту, Максим — молчаливой опорой, а Дани — самым лёгким и дружелюбным. От этого пятеро крепких охранников перестали быть просто чужими взрослыми мужчинами и начали становиться людьми, которых можно узнать, запомнить и, возможно, однажды назвать своими.

— Ну что ж, посмотрим, на что вы способны, — с воодушевлением сказал тренер, уже предвкушая, как эта необычная команда покажет себя в деле.

Игра началась сразу шумно, живо, с весёлым азартом и неожиданным смехом. На фоне рослых и сильных парней Элизабет действительно казалась совсем маленькой, и порой её буквально уносило в сторону от чужого плеча или случайного толчка. Но в этой суете было что-то удивительно лёгкое и радостное: всякий раз, когда она теряла равновесие, рядом оказывался Алексей и ловил её с быстрой, почти инстинктивной заботой, не давая упасть. А стоило мячу попасть к ней в руки, как всё менялось — Элизабет словно преображалась. В её движениях появлялись точность, стремительность и уверенность, и мяч один за другим безошибочно летел прямо в кольцо, вызывая у окружающих искреннее удивление и восхищение.

С тех пор два раза в неделю зал оживал особенной жизнью: там звучали быстрые шаги, гулкие удары мяча, смех, азартные выкрики и то лёгкое, радостное напряжение, которое бывает только в игре. Для Элизабет эти часы стали чем-то большим, чем просто спорт. В них было движение, свобода, чувство силы и странное, новое счастье — быть частью команды, быть среди тех, рядом с кем сердце училось снова доверять миру.

Глава 14. Алексей и Владимир

За последние недели Владимир всё чаще оказывался рядом с Элизабет во время игры. Если она уставала, он первым подавал ей бутылку воды, стараясь сделать это как можно незаметнее. Если кто-то из ребят слишком резко шёл на мяч, Владимир мгновенно вставал между ним и Элизабет, принимая столкновение на себя.

Иногда, поймав её благодарную улыбку, он вдруг смущался, отворачивался и начинал поправлять мяч или спорить с Андреем о счёте, хотя спорить было совершенно не о чём. Элизабет принимала эту заботу просто и радостно — как дружескую помощь. Она ещё не понимала, что для Владимира каждое такое мгновение значит гораздо больше.

Поэтому в тот день, когда Алексей снова легко поймал её за талию после неудачного броска, Владимир уже не смог сделать вид, что ничего не чувствует.

Но в один из таких дней привычная лёгкость игры вдруг нарушилась. Владимир с самого начала вёл себя странно: слишком резко шёл на Элизабет, нарочно толкал её плечом, заступал дорогу и словно искал любой повод оказаться рядом — не для помощи, а для какого-то упрямого, почти раздражённого соперничества. Алексей несколько раз бросал на него предупреждающие взгляды, пытался мягко вмешаться, но напряжение между ними становилось всё ошутимее.

— Владимир, хватит. Ты чего? — спросил Алексей уже не просто удивлённо, а с явным раздражением, стараясь всё же сдерживать голос.

— Ничего, — резко ответил Владимир, но в его голосе слишком явно слышались и обида, и досада. — Почему только ты можешь всё время быть рядом с Элизабет? Может, я тоже хочу ей помогать.

— Да что с тобой такое? — нахмурившись, сказал Алексей. — Хочешь помогать — помогай, кто тебе мешает? — Но, произнеся это, он уже почувствовал, что дело вовсе не в игре. Однако спорить дальше не стал и, сдержав себя, снова вернулся к мячу.

После игры, когда шум шагов затих, мяч замер у стены, а ребята один за другим разошлись, Элизабет, всё ещё немного озадаченная этой странной перепалкой, направилась к бабушке.

— Бабушка, сегодня Алексей и Владимир чуть не поссорились, — сказала Элизабет, всё ещё не до конца понимая, что именно произошло. — Владимир сказал, что тоже хочет мне помогать...

— Такое бывает, когда двум мальчикам нравится одна и та же девочка, — сказала бабушка с едва заметной, чуть лукавой улыбкой, будто для неё в этой сцене не было ничего неожиданного.

— Нравится?.. Что это значит? — удивлённо спросила Элизабет, и в её голосе прозвучала такая чистая, почти детская растерянность, что бабушка невольно смягчилась ещё больше.

— Я думаю, ты им обоим очень нравишься, — спокойно ответила бабушка. — Но не тревожься из-за этого, девочка моя. Они уже большие мальчики и сами разберутся в своих чувствах. — Она посмотрела на Элизабет с тёплой, понимающей нежностью, будто знала о жизни и любви куда больше, чем готова была пока рассказать.

С тех пор Алексей приходил почти каждый день. Он терпеливо помогал Элизабет с уроками, потом они долго гуляли в парке, который окружал дом, и в этих прогулках рождалось что-то тихое, светлое и очень важное для них обоих. Они смеялись, разговаривали обо всём на свете, спорили о пустяках, делились мыслями, и с каждым днём Элизабет всё сильнее привыкала к его голосу, к его шагам, к тому спокойному чувству защищённости, которое появлялось рядом с ним.

Глава 15. Разлука на два года

Однажды Алексей пришёл поздним вечером, когда в доме уже царили мягкий свет ламп, запах ужина и та особенная тишина, которая бывает в больших домах после долгого дня. Элизабет ужинала с бабушкой и, услышав его шаги, сама не заметила, как сердце её радостно дрогнуло.

— Добрый вечер, милые дамы. Приятного аппетита, — сказал Алексей, входя в столовую. В голосе его, как всегда, звучали уважение и тепло, но сегодня в этих словах угадывалось и что-то ещё — внутренняя собранность, будто он пришёл не просто навестить их, а сказать нечто важное.

— Вы сегодня так поздно? — спросила бабушка, внимательно взглянув на него, словно сразу почувствовала, что его задержала не только служба. — Присоединяйтесь к нам.

— Спасибо. Простите... я пришёл сказать, что завтра не смогу прийти, — ответил Алексей и на мгновение опустил взгляд, будто ему самому было нелегко произносить эти слова. — Меня отправляют в полицейскую академию на специальную подготовку. Если всё пройдёт хорошо, после неё меня ждёт повышение, но учёба займёт два года. Я не мог сказать об этом по телефону... Мне очень хотелось увидеть вас перед отъездом.

— Правильно сделали, что пришли, — тихо сказала бабушка. В её голосе не было ни удивления, ни лишних расспросов — только мудрое понимание того, как важно иногда успеть сказать главное вовремя. С этими словами она тактично поднялась из-за стола и вышла, оставляя их наедине.

— Элизабет, прости... мне правда нужно ехать, — сказал Алексей уже тише, подходя ближе. В комнате стало так тихо, что слышно было только, как где-то вдалеке негромко тикают часы. — Это не просто учёба, а подготовка к новой должности. Там строгий режим, занятия, практика, выезды, и приезжать я почти не смогу. Но я буду звонить тебе при каждой возможности и писать, если не удастся дозвониться. Ты остаёшься с бабушкой. Хорошо?

— Хорошо, — смущённо ответила Элизабет, опуская глаза. Но в этом тихом слове уже слышались и растерянность, и грусть, и то едва уловимое чувство потери, которое приходит, когда кто-то дорогой вдруг оказывается слишком далеко ещё до самого отъезда.

— Я вернусь, — тихо сказал Алексей, глядя ей прямо в глаза. В его взгляде было столько серьёзности, обещания и чувства, что эти два простых слова прозвучали почти как клятва. Тогда Элизабет ещё не до конца понимала их смысл, но сердце уже почему-то сжалось так, словно запомнило этот миг навсегда.

По дороге к машине Алексей встретил Владимира. Вечерний воздух уже пах прохладой и скорой разлукой, а между двумя молодыми мужчинами на мгновение повисло то напряжённое молчание, в котором слышится больше, чем в долгом разговоре.

— Владимир, я не хочу, чтобы мы были врагами, — сказал Алексей серьёзно, глядя ему прямо в глаза. — Придёт время, и она сама выберет. Я уезжаю на учёбу... поэтому прошу тебя: береги её. — С этими словами он протянул Владимиру руку — крепко, по-мужски, как человек, доверяющий самое дорогое.

— Договорились. Не переживай, я буду рядом, — ответил Владимир, пожимая его руку. В голосе его уже не было прежней колкости — только сдержанная твёрдость и уважение, будто в этот миг между ними возникло не соперничество, а негласное братство.

Алексей уехал. И только тогда Элизабет по-настоящему поняла, как сильно он успел войти в её жизнь — тихо, незаметно, но так глубоко, что теперь без него всё вокруг стало другим. Дни шли своим чередом, но в них появился новый ритуал. Каждый вечер в одно и то же время она садилась у телефона и ждала звонка, стараясь читать или заниматься, но всё равно прислушиваясь к каждому звуку в коридоре. Если Алексей звонил, день сразу стано-

вился светлее. Если не мог — она перечитывала его письма, аккуратно сложенные в шкатулке, и снова проводила пальцами по строкам, будто в них ещё оставалось тепло его руки. В одной из книг она хранила засушенный цветок из букета, подаренного им перед отъездом. Иногда Элизабет открывала страницу, смотрела на хрупкие потемневшие лепестки, и сама не понимала, как назвать это чувство — тоску, привязанность, ожидание или что-то большее. Она ждала его голоса так, будто без него день не мог ни начаться, ни завершиться. И с каждым днём всё яснее чувствовала: ей его мучительно, по-настоящему не хватает.

Жизнь, однако, не останавливалась. В баскетбол продолжали играть по-прежнему, и зал всё так же наполнялся движением, смехом и гулким стуком мяча. Теперь рядом с Элизабет чаще всего оказывался Владимир — самый молодой из охранников. Он стал её защитником в игре: ловил мяч, прикрывал от резких столкновений, подстраховывал в самые трудные моменты. И хотя рядом с ним было спокойно и надёжно, Элизабет всё равно порой невольно ловила себя на мысли, что ищет взглядом совсем другого человека.

Глава 16. Возвращение Алексея

Время бежало стремительно, почти незаметно, словно кто-то листал страницы её новой жизни одну за другой. Так прошли два года, и Элизабет исполнилось пятнадцать. Она выросла и изменилась так мягко и естественно, как меняется весна, становясь летом. Детская хрупкость в ней не исчезла, но в осанке, в движениях, во взгляде появилась новая собранность. Она стала выше, увереннее, внимательнее к себе и миру, и теперь в ней уже всё яснее проступала не только девочка, спасённая когда-то из леса, но и юная графиня, в которой зрели сила, достоинство и внутренний свет.

В один из таких дней Элизабет вместе с ребятами снова играла в баскетбол в саду. Сад, как всегда, был полон движения, голосов и гулко-го стука мяча, а сама она — лёгкая, быстрая, оживлённая — смеялась так свободно, будто за эти годы жизнь наконец научила её не только помнить боль, но и радоваться настоящему.

И вдруг, обернувшись, она увидела его. Чуть поодаль, у края площадки, стоял Алексей — высокий, повзрослевший, удивительно красивый в своей сдержанной мужской зрелости. В руках он держал большой букет цветов, и от одного этого зрелища у Элизабет на мгновение замерло сердце. Всё вокруг будто сразу стало тише: смех, мяч, голоса — всё отступило, оставив только его фигуру и это внезапное, ослепительное чувство встречи.

Не помня себя от радости, Элизабет сорвалась с места и побежала к нему так быстро, будто эти два года ожидания вдруг исчезли в одном-единственном порыве. Подбежав, она кинулась ему на шею — легко, горячо, не скрывая ни счастья, ни волнения.

— Лёша приехал!.. — вскрикнула она, и в её голосе было столько искренней, солнечной радости, что даже у тех, кто стоял рядом, невольно появилась улыбка.

— Это тебе, — сказал Алексей, протягивая ей букет. Он смотрел на неё так внимательно и тепло, словно сам ещё не мог до конца поверить, как сильно она изменилась и как сильно он ждал этой встречи.

— Спасибо большое, — сказала Элизабет, улыбаясь так светло, что её счастье, казалось, невозможно было скрыть ни словами, ни взглядом.

Они вместе пошли в дом, и Элизабет всё ещё не могла до конца унять ни улыбку, ни взволнованное биение сердца. Казалось, вместе с Алексеем в дом снова вошло что-то давно знакомое, тёплое и очень дорогое.

— Бабушка, смотри, кто приехал! — громко, почти по-детски счастливо воскликнула Элизабет, едва переступив порог.

— Здравствуйте, Алексей. Проходите, рассказывайте, как ваши дела, — сказала бабушка с мягкой, чуть лукавой улыбкой, в которой уже читалось многое из того, что она успела заметить одним взглядом. — А Элизабет пока приведёт себя в порядок после спорта.

По взгляду бабушки Элизабет всё поняла и почти бегом поднялась к себе. Через некоторое время она вернулась уже совсем другой — не той девочкой, что только что вбежала в дом после игры, а юной девушкой, будто внезапно расцветшей на глазах. Лёгкое платье мягко подчёркивало её тонкую фигуру, уложенные каштановые локоны лежали на плечи, а едва заметный макияж делал светлое лицо ещё нежнее и подчёркивал цвет её ярко-голубых глаз. В ней было столько свежести, красоты и едва осознанного очарования, что она сама, возможно, ещё не понимала, как сильно изменилась.

Увидев Элизабет, Алексей медленно поднялся со стула и подошёл к ней. На мгновение он растерялся не от одной только её красоты, а от того, как сильно изменилась сама её внутренняя сила. Перед ним стояла всё ещё очень юная девушка, но уже не потерянный ребёнок из страшной ночи: в её взгляде появился свет, в осанке — достоинство, в улыбке — робкая, выстраданная уверенность. Это потрясло его глубже, чем он ожидал.

— Ты так изменилась... так выросла, — тихо сказал он, но тут же словно спохватился и чуть отступил, заставляя себя говорить спокойнее. Сам Алексей испугался того, как внезапно и сильно изменилось его чувство: в нём всё ещё жила прежняя забота старшего друга, но рядом с ней впервые поднялось что-то новое, слишком серьёзное, чтобы позволить себе легкомыслие. Именно поэтому он держался особенно сдержанно — бережно, осторожно, почти строго к самому себе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.